

И. Б. Савелова

*Независимый исследователь
Минск, Беларусь
isav@tut.by*

«СЛОВЕСНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ» (О. МАНДЕЛЬШТАМ) В ТВОРЧЕСТВЕ МИНСКИХ ПОЭТОВ (В. БЛАЖЕННЫЙ, Г. ТРЕСТМАН, С. ШЛЫКОВ)

В статье О. Мандельштама «О природе слова» присутствует понятие «словесное представление». Именно оно послужило основой для сопоставления трех поэтов — В. Блаженного, Г. Трестмана, С. Шлыкова.

Ключевые слова: *«словесное представление»; В. Блаженный; Г. Трестман; С. Шлыков.*

Это ад дает мне половинные таланты.
Небо дарует человеку целый талант или ничего.

Генрих фон Клейст

«Словесное представление» — это мыслеобраз, описанный О. Мандельштамом в статье «О природе слова», который затрагивает вопрос о форме и содержании слова в поэзии, показывает субъективный и объективный характер представления — сложнейшего компонента сознания человека. Понимание представления не только как внешнего атрибута, но «как органа человека» (О. Мандельштам) наводит на мысль о возможности восприятия внутренней связи, некоего единства в мыслях и душах поэтов, и понимание этой связи в конкретных проявлениях в их произведениях.

Единым в данном случае является назначение поэта и поэзии — «откровенное слово» (Г. Трестман), и каждый поэт по-своему решает этот вопрос. Откровение Вениамина Блаженного, на наш взгляд, чаще напоминает обиду на спящего Бога, а сам поэт — «как трупик бабочки-однодневки». Может, отсюда ощущение Григория Трестмана по поводу поэзии В. Блаженного: «Каждое стихотворение каждый раз возрождает его» [7, с. 19], и слово на «сохранившейся странице» в стихах Вениамина Блаженного всё же трепетно искрится.

Откровением Григория Трестмана является, как он сам выразился в предисловии к «Книге Иова», ненайденный вопрос. К кому? К себе? к миру? к Богу? Откровение Г. Трестмана, может быть, находится в зрачках и людей, и птиц, и зверей, но в зрачках — как месте перехода из тьмы во свет.

И небо светлеет, и тьма убегает в зрачки,
и прячется до ночи в людях, и зверях, и птицах.
И Солнце восходит, и пчелы летят из дупла.

Прозревшие травы встают, пересилив истому [7, с. 50].

По-другому ощущает откровение Сергей Шлыков. Его мир упакован в магический сосуд, и в бесконечности своей конечен. Свет, струящийся над Землей, на которой живут люди, не противопоставляется тьме, ибо нельзя назвать Землю Тьмою. Для В. Блаженного «Земля — священный узел / На груди Солнца» [2, с. 7], это твердь, помогающая людям обрести ощущение собственного присутствия, в себе самом, в окружающем мире, помогает найти пристанище в Вечности, или, другими словами, мчащейся бесконечности.

... А степная травинка останется мною,
 Ей на свете уютно, да и надо немного:
 Подставлять травянистую спинушку зною
 И дышать благодатью июльского Бога.

И останется мной побирушка-букашка,
 Что ютилась в траве и на поле, и в роще;
 На букашке, как прежде, худая сермяжка,
 Я и сам одевался побирушника плоше.

Я и сам одевался в убогую ветошь —
 Так меня мать-земля осторожно учила, —
 Чтобы мне горемыкой скитаться по свету,
 Чтобы смерть неприметного не различила.

И не надо на смерть обижаться, а надо
 Пробираться тишком среди бедствий несметных,
 Чтобы не потревожить недоброго взгляда —
 И последний рубеж перейти незаметно... [3, с. 3–4].

Упорядоченность хаоса посредством смерти лишает людей страха Вечности. А поэты стремятся каждое из мгновений, «попавшихся под руку», сделать доступным людскому. Как в древнеегипетской культуре присутствовали на равных правах две вечности: та, которая бесконечна и все время в движении, и та, которую можно как книгу поставить на полку (М. Чегодаев). Чудо древнеегипетской цивилизации — каждый художественный образ — портал в Вечность. Сквозь тысячелетия поэты сохраняли в своем мироощущении это идею, каждое стихотворение — образ, вечности и откровение момента. Откровение В. Блаженного 1941 года звучит жестко:

Когда люди однажды усомнились,
 Что на небе действительно есть солнце,
 Они вышли на поле брани
 И глотали отблески позлащенных щитов.
 Давясь дурной славой,
 Они и сегодня барахтаются в прахе,
 Но ослепшими глазами
 Никогда больше не увидят солнце в небесах
 1941 («История» [2, с. 4]).

На человеке, в его зрачках фокусирует внимание Григорий Трестман. В сатанинский зрачок в «Книге Иова» убегает тьма, именно там происходит преобразование тьмы в землю.

В сатанинских чертогах,
где нет ни начала, ни края,
где бездна над бездной,
где лишь ворон кружит
и пространство пустот прожигает,
зрачок оголя,
за границу света, и душ, и тепла —
во вселенной беззвездной,
в сатанинском зрачке разрастается точка,
и в ней голубеет земля [7, с. 57].

Во вступлении к книге «Иов» Григорий Трестман вспомнил слова его отца, опоздавшего на свой расстрел и пережившего смерть жены и сыновей: «Сынок, неужели ты настолько глуп, что не заметил, как Сатана со Всевышним поменялись местами?». Поэтам свойственна не формальная логика мышления, представленная в виде «или черное или белое», укоренившаяся в западной культуре со времен Аристотеля Стагирита, а, скорее, трансцендентальная логика (И. Кант) и многозначная логика (Ян Лукасевич, Эмиль Пост, Курт Гедель). Формальная логика требует не Божьего откровения, а Закона «где Совесть и Опыт врозь», логика «исключенного третьего» предполагает расхождение Эргоса и Логоса:

И Господь ему Слово свое посылает,
И Слово струится сквозь уши...
И не Истина Божья мила человеку,
А Божья награда нужна [7, с. 58].

Поэты мыслят цельным образом, взор, направленный внутрь себя, в устах поэта не лжет, так как поэт — не источник откровения, а орало. Как в свое время Александр Блок в поэме «Возмездие» доказывал красоту мира (мира): «Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен», и закончил он «историю рода», которая чудилась ему центром замысла поэмы, представляемого поэтом в виде концентрических кругов, словами: «А мир — прекрасен, как всегда» [1], так и поэтическое прозрение позволило Григорию Трестману удержаться на краю, зацепиться за «ненайденный вопрос», «причаститься Вселенского света»:

... жар костра зрачками вбирать
И в отвесах огня он черен был и бел,
и пряталось лицо его под слоем теплой пыли... [7, с. 88]

Зрачки камней и трав росли, вбирая звезды,
и лунная роса, казалось, ввысь текла,
и новой тишиной взбухал прозрачный воздух,
и проницала мглу светящаяся мгла... [7, с. 89]

И в глубине зрачков, на самом донце. —
по искорке, пронзающей сердца.
И освещались неземные лица,
И освящались их черты земные,
и окропляли желтые росинки
огнями лун шаги упругих ног [7, с. 104].

Но каждому земному человеку Поэт отправляет послание: «Не забудь: у каждой эры / сумасшествие своё» [9]. По прошествии времени, в 1990-х, в шуточной поэме «Минздрав предупреждает, или Отходная по девяностым», зрачками поэт наделяет мелкого беса (Ф. Сологуб):

и два зрачка —
две угольные крошки,
водвинутые в серное лицо [8].

Время как бы развернулось, но на кругу утратило силу, сквозь угольные крошки свет усматривается умозрительно, и носитель зрачков измелъчал.

Мир станет
темным стадом
в час убоя,
где человек —
слепой среди слепых,
где станет Изверг
жертвовать собою
только затем,
чтобы убить
других [10].

Логика Аристотеля приобрела полную силу, и мир вооружился постулатом: «победителей не судят».

Я — логика —
явился,
наконец,
очистить мир
от мерзости
Востока. [10].

Есть ли выход? Может, этот вопрос скрывается в тексте:

Где они?
В воде они!
Где они?
В огне они!
Где они?
Везде они —
ангелы
и демоны! [10].

Представления и представление, как орган чувствования, у всех разные. Если мы обратимся к парадигме китайской культуры, где один и единое описывается одним и тем же иероглифом, горизонтальной чертой, если сделать проекцию на плоскость, то получается линия горизонта, сравнимая с единицей из западной культуры, которая на плоскость проецируется как точка, можно провести аналогию с горизонтом понимания, одним из ключевых понятий герменевтики.

В представлении Вениамина Блаженного — он Иов. Об этом свидетельствует текст из предисловия, написанного Григорием Трестманом, к книге «Иов»:

«Сейчас поэмы не пишут. А поэма про кого?»
«Про Иова».
«Иов?!... Ну прочти хотя бы строфу».
Я прочел.
«Иов — это я», — тихо сказал Айзенштадт [7, с. 20].

Вениамин Блаженный выбрал посредника между Богом и собой своего отца. Он — младший сын, Вениамин:

В калошах на босу ногу,
В засаленном картузе
Отец торопился к Богу
На встречу былых друзей.

И чтобы найти дорожку
В неведомых небесах, —
С собой прихватил он кошку,
Окликнул в дороге пса...

А кошка была худою,
Едва волочился пёс,
И грязною бородою
Отец утирал свой нос.

Робел он, робел немало,
И слёзы тайком лились, —
Напутственными громами
Его провожала высь...

Процессия никудышных
 Застыла у божьих врат...
 И глянул тогда Всевышний,
 И вещей потупил взгляд.

— Михозл, — сказал он тихо, —
 Ко мне ты пришёл не зря...
 Ты столько изведаль лиха,
 Что светишься, как заря.

Ты столько изведаль бедствий,
 Тщедушный мой богатырь...
 Позволь же и мне согреться
 В лучах твоей доброты.

Позволь же и мне с сумою
 Брести за тобой, как слепцу,
 А ты называйся Мною —
 Величье тебе к лицу... [4].

Представления как орган мышления складывались из опыта предыдущей реальности, Г. Тресман от отца получил информацию, что «Сатана со Всевышним поменялись местами» [7, с. 15]. Однако необходимым для поэта является и собственный опыт — опыт «своей галактики».

Про преисподнюю и рай, отсутствующие в слове, но присутствующие в представлении, и про движение мы можем прочитать в книге Сергея Шлыкова:

- Ты почему всего лишь Ангел? — спросил бывший Денницей.
- Таким создал Творец.
- ...Даже Архангелом не будешь. Но есть возможность подняться выше Херувимов.
- ?
- Познав добро и зло, мы уравниемся с богами.
- !!! — вмиг Ангел потерял достоинство свое и бесом стал.

Ева была не первой жертвой.

Соблазны до сих пор не отпускают.
 Соблазны мучают.

Я был на озере, ловил плотву. Поймал ерша и понял: Творец не мог не видеть, что Еву яблоком прельстит поганец. Но, отдаляя горизонт, встает ее один вопрос: зачем все это надо было? И так до бесконечности вопросы. А где у бесконечности начало? Оставим страхи мазохистам [11, с. 26–27].

В представлении Вениамина Блаженного небесное укрывается в земное:

В эту землю хотел бы сойти я живым,
 Я бы плыл под землей, как плывут океаном,

Созерцая глубокие корни травы
И дыша чем-то диким, и вольным, и пьяным.

Я бы плыл под землю в неведомой мгле,
Узнавал мертвецов неподвижные лица,
Тех, кто были живыми со мной на земле,
С кем тревогой своей я спешил поделиться.

Я бы плыл под землю, тревожно дыша,
Уходил в ее недра и тайные глубины,
Ибо только земное приемлет душа,
Ибо только земное душа моя любит [4].

И в строках поэмы «Иов» Григория Трестмана мы встречаемся с явлением осмысления соединения небесного и земного:

Голубеет земля, и по ней пробегает рожденья,
и смерти и смуты, выдыхаются волны, вулканы и камни,
и зреет, и падает лес.
Мириадами зим, мириадами лет,
и годами, и днем, и минутой,
и мгновеньем творится в миру
Провиденье всевышних небес.
Рай давно опустел без Адама.
и так сиротливо цветут в нем небесные кущи,
так тоскливо поют ангелята «Осанну»
среди птах и нежалящих пчел.
Рай давно опустел... Грех Адамов затем
был Всевышним Творцом и допущен,
чтоб Господень Закон
в искушениях сам человек предпочел [7, с. 58].

Обращаясь к самостоятельному человеку, к такому виду самостоятельности, когда человек ведет разговор с Богом, можно обнаружить, что в поэтическом наследии Вениамина Блаженного этот разговор, не с Христом, а с Богом-отцом ведет его отец, который «имел во всех делах одну приметку — совесть» [4]. Рождение «святой повести» напрямую связано с совестью отца. Григорий Трестман, усвоив опыт отца, пытается вести разговор со Всевышним сам: «Возможно, Авраам доверял только Богу, а Иов еще и себе, своему опыту?...» [7, с. 27]. Но поскольку Всевышний и Сатана поменялись местами, исследуется вопрос доверия и к музыке Небесных сфер, и к Закону Господню, и к самому себе.

Вопрос о смысле человеческого бытия, вопрос о назначении Поэта часто упирается именно в представление о том, чьими устами говорит Поэт. Как поэт относится к тайне бытия и слова. У Вениамина Блаженного мы читаем: «Два слова: / “Тайна Бытия”. / Два слова! / Трижды тайна!» [2, с. 8]. И сравним

со строками Г. Трестмана: «...сама Книга Иова в то время казалась мне написанной не то что с огрехами, но представлялась не совсем моей» [7, с. 9].

Дерзнуть плыть в океане представлений, и попытка удержать образом мгновение. Ищущему важно знать, только ли через смерть можно постичь сокровенной гармонии радость, только ли смерть упорядочивает ход бытия?

Где-то есть озеро — глубокое, как небо, и если глянуть сердцем, то увидишь: в нем не вода, а радужный эфир заполнил голубую бесконечность, и твердь прозрачная светлее хрустала вдруг угадается как мост подъемный в город, где за стеной из пряных ароматов приветит радостно покой звенящий, и благовест одарит чистым звуком, сыграют серебром колокола. Душа спасенного бела... — и даже в это мире слышно будет белым-м... бела-а... белым-м... бела-а-а...

И что тогда мы делать будем в этом мире?

С ума свихнулся от вопроса ученый кот.

Мне захотелось высоты, больших высот. Мне захотелось высоты большой-большой и сразу — чтоб ах!.. — и захватила дух стремительная высь.

С уверенностью птицы я взлетел (кот ошалел!), затем прогнулся телом и выстрелил собой в зенит.

Страсть овладела мною — страсть пробуравить космос.

Я увеличил ускорение — сдавило тело, сознание стал заполнять журчащий говор ручейков. Мерцающие рои звезд неслись навстречу. Я вырвался из них, отметив про себя: моя галактика — а ускорение все нарастало, и вот уже огромные миры открылись, им несть числа.

Просто физически почувствовав бескрайность, я растерялся от ничтожности своей, но мощь безумного порыва, страсть сумасшедшего желания быть больше этих мириад звезд в бескрайнем мраке — быть без начала и конца! — молниеносно вспыхнула во мне прозрением: все упаковано в магический сосуд и в бесконечности своей конечно [11, с. 21].

Представления и представление кроются, но их откровения присущи как взрослым, так и детям, как поэтам, так и физикам. Пол Дэвис, британский физик-теоретик, космолог, астробиолог, писатель и популяризатор науки в своей книге «Суперсила» поделился впечатлением из детства: «Одно из самых ранних воспоминаний моего детства связано с тем, как я спросил отца, где кончается Вселенная. “Как она может где-то кончатся? — ответил отец. — Ведь если бы у пространства была граница, за ней должно было бы находиться еще что-то”. Так я впервые столкнулся с понятием бесконечности и до сих пор помню охватившее меня смешанное чувство озадаченности, благоговейного трепета и восхищения. Оказалось, однако, что этот вопрос решается не столь просто, как пытался меня убедить мой отец» [5, с. 18].

На небе создаются образы на земле образуются вещи (формы) [6, с. 4]. Представления имеют двойную природу: небесную и земную. В сознании поэта, преломляясь через его аппарат восприятия, небесное приобретает земные формы, и каждый поэт приоткрывает людям тайну мира, реализуя свое предназначение и пользуясь своим опытом. Вступая в диалог, истинный поэт

заранее предполагает персональную ответственность за сказанное перед собой и перед людьми.

Библиографические ссылки

1. Блок А. Возмездие. URL: <https://aleksandr-blok.su/poemy/vozmezdie/>.
2. Вениамин Блаженный Верлибры / сост. и послесл. У. Ю. Вериной. Минск: Новые мехи, 2011. 71 с.
3. Блаженный, В. Стихи / Вениамин Блаженный. М.: ГФ Новая литературная газета, 1994. Вып. 5. С. 3–4.
4. Блаженный В. [Стихи]. URL: http://www.skit.silence.ru/V_Blazhennyj/index.html.
5. Дэвис, П. Суперсила. Поиски единой теории природы / пер. с англ. Ю. А. Данилова, Ю. Г. Рудого / Пол Девис. М.: Мир, 1989. 272 с.
6. Завадская Е. В. «Беседы о живописи» Ши Тао. М.: Наука, 1978. 181 с.
7. Трестман, Г. Иов. Минск: Новые мехи. Минская школа, 2014. 116 с.
8. Трестман, Г. Минздрав предупреждает, или Африканские разборки // Артикуль: журнал. URL: <https://www.sunround.com/club/journals/19trest.htm>.
9. Трестман Г. Песенка шута (из мюзикла «Шут с вами») // [Персональная страница автора в Facebook]. URL: <https://www.facebook.com/oleglife1/posts/3009276462680958>.
10. Трестман Г. Свиток Эстер. URL: <https://www.litres.ru/grigoriy-trestman/svitok-ester/chitat-onlayn/>.
11. Шлыков, С. Поэма в тезисах для интерьерера: Поэма-верлибр. Минск: Парадокс, 2004. 104 с.